

Экран и сцена. - 1994. - 17-24 февр. (№ 6) - С. 16

Своей короткометражной комедией «Праздник Нептуна» Юрий Мамин лет пять-шесть назад вошел в кинематограф решительно, ярко, эффектно, однозначно заявив, что в нашем искусстве появился незаурядный комедиограф.

Жесткая, прочная композиция «Праздника Нептуна», соединение едкой сатиры, гротеска, визуальных и ситуационных каламбуров, бурлеска и острой шутки обозначили особенности режиссерской стилистики и диапазон его художественных пристрастий. Следующий фильм «Фонтан» укрепил успех Мамина у зрителей и принес режиссеру целую коллекцию самых престижных отечественных и зарубежных кинематографических наград. Затем был фильм «Бакенбарды» и, наконец, совсем недавно появилась его лента, снятая в содружестве со сценаристом Аркадием Тихаев «Окно в Париж». Эта занятно придуманная история о том, как вопреки всем законам пространства наши соотечественники, перешагнув через подоконник, оказываются в Париже, а парижане — в Санкт-Петербурге. Эта веселая, но не без грусти и досады по поводу наших российских пороков, комедия нравов появилась одновременно на экранах крупнейших городов страны и уже выходит в кассовые лидеры. Фильм «Окно в Париж» успел получить и свою первую награду — приз за режиссуру на сентябрьском фестивале «Киношок» в Анапе.

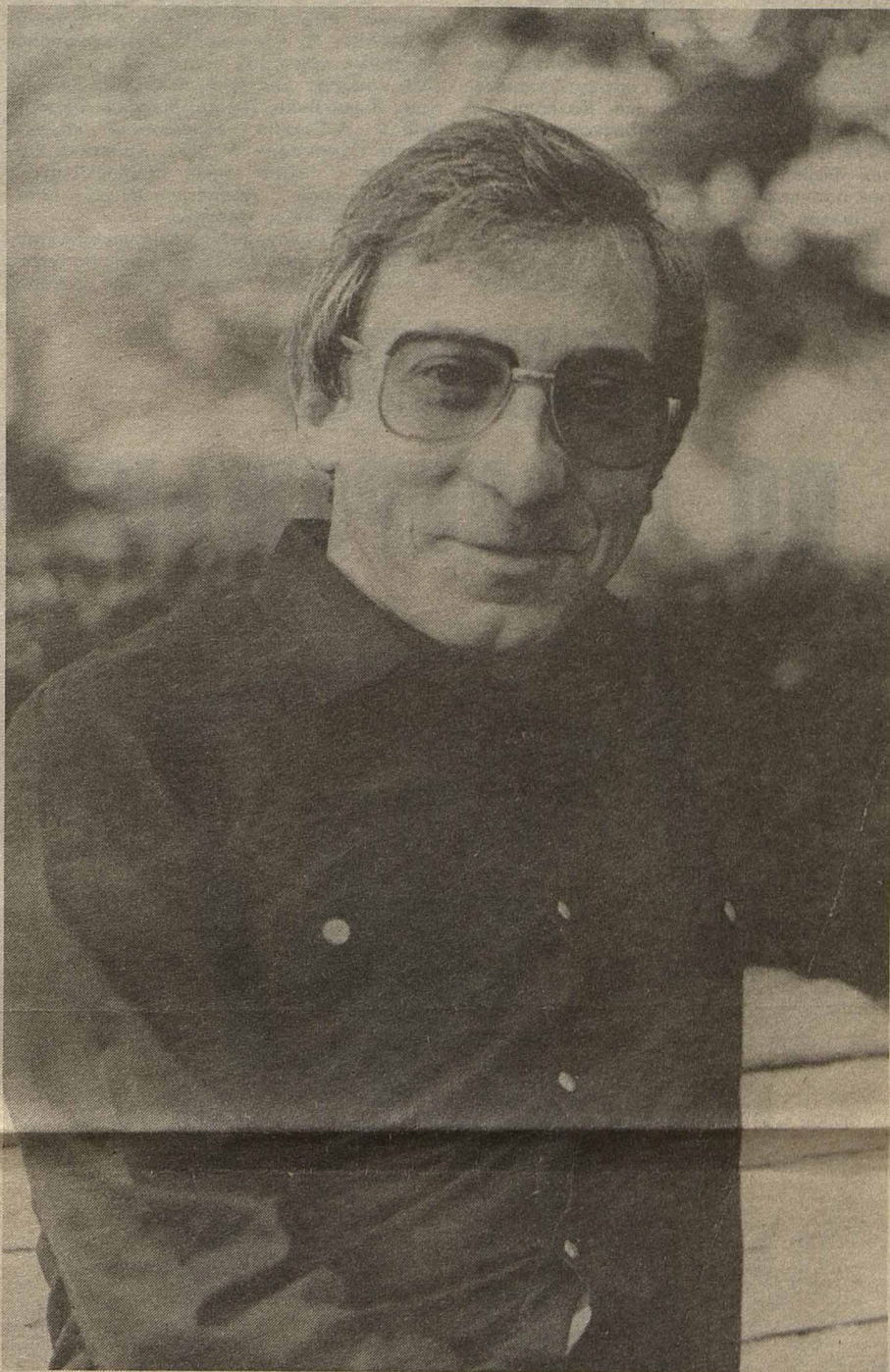
— Юрий, вас не пугает, что избранный вами жанр обрекает вас на правоучительство, морализаторство?

— Все определяется тем, насколько это смешно или насколько не смешно. Если не смешно, то все становится раздражающим морализаторством. Если смешно, то морализаторства незаметно. Хотя у комедии, как у жанра, конечно, есть свои определенные и опасные штампы: вот артисты начинают корчить гримасы, звучит задорная музыка. А я люблю, когда и артист, и ситуация смешны сами по себе, когда артист играет очень серьезно, а кто-то сзади строит ему рожи. В «Празднике Нептуна» на экране драматическая история — вся деревня готова залезть в прорубь и замерзнуть, но ситуация сама по себе настолько идиотична, что не может не быть несомненной. Вспомните Чарли Чаплина — он всегда делал все очень серьезно, а те, кто «веселился» рядом с ним, хорошие и знаменитые актеры, разные коротышки и толстяки, не запомнились, и в истории не остались.

Смех, слезы, как, впрочем, и страх, — те самые большие удовольствия, ради которых публика приходит в зрительный зал. Вот почему в Америке так развито жанровое кино, и оно есть наилучший показатель профессионализма. У нас же в период цензурирования появилась такая странная, анемичная форма, как кинороман, — лишенный жанра пересказ каких-то событий. Очень вялая и скучная вещь. А жанровое кино, это то, что для меня предпочтительней.

— Вы готовы к тому, что после фильма «Окно в Париж» вас упрекут в нелюбви к своему народу?

К разговорам об объединении людей по национальному, религиозному или государственному принципу, я отношусь с подозрением. По-моему, мир разделен на человеческие типы. Люди разных национальностей, но с одними внутренними установками (допустим, с милитаристическими устремлениями) очень похожи друг на друга. Украинца или японца, ливанца или американца объединяет отсутствие вооружения, желание побрызгать оружием, пострелять. Это как в анекдоте, когда скрипач, чтобы объяснить в КГБ, почему он хочет поехать за границу на конкурс скрипачей и испытать счастье сыграть на скрипке Паганини, говорит кэгебэшнику: «Это такая радость, как для вас пострелять из пистолета Дзержинского». То есть, есть просто типы людей, которые физиологически непереносимы друг другу.

Юрий МАМИН:

«Выбираю комедию»

Кожей чувствую враждебных юмору, хотя внешне у нас могут быть приличные отношения. Я знаю людей, которые не выносят моих картин и в первые же минуты выходят из зала, хлопая дверью. Им враждебна сама манера рассказа, враждебна, как кошка собаке. Разные типы людей разбросаны по всему миру.

— Комедиограф — это призвание, талант, цинизм?

— Думаю, просто искусство зоркого человека. Враг комедии — банальность.

— Может ли настать время, когда будет не до комедий?

— Думаю, такого времени не наступит. Но есть время социальной комедии, время политической комедии и время, когда комедия должна быть просто неким допингом, как рюмка крепкого напитка, поднимающего тонус. Не будет комедии, возникнут чапушки, анекдоты, эстрадные юморески. Но, скажем, делая политическую комедию, нужно точно рассчитывать момент ее появления. Для меня был хороший урок с фильмом «Бакенбарды». Я захотел сделать публицистический фильм о националистах фашистского толка. Герои, вернее антигерои фильма — бакены, свой фашизм прикрывают именем Пушкина. Этот фильм, в котором для меня, как для

художника были испробованы некие очень важные художественные приемы — геометрическое построение кадра, жесткая, брехтовская стилистика; по своим внутренним задачам фильм был очень привязан ко времени. Был той ложкой, которая дорога к обеду. Но в вопросе времени выхода картины на экран я оказался достаточно доверчив и беспечен. «Бакенбарды» были куплены какой-то фирмой, мы получили приличные деньги, студия тоже получила деньги, а прокатом никто не занимался. Фирмой руководили какие-то бывшие комсомольские работники Ленинграда и по собственному разумению или чьему-то указанию они положили картину под задницу, под сукно, на полку. Короче, ее не показывали года полтора, чтобы она не мешала в каких-то политических играх. Потом я сам нашел копию уже в другой, перекупившей фильм заштатной фирме, заплатил деньги из тех средств, которые были выделены на него продюсером. И «Окно в Париж» показали один раз по телевидению. Но время уже ушло. Такие политические ленты надо снимать для телевидения, там есть возможность стратегии «быстрого реагирования». Хотя сегодня телевидение и политизировано, и конъюнктурно.

— Вас не пугает возможность новой диктатуры в том или ином виде?

— Пугает. Но пугает и другое — многие политические лидеры, в частности наши эмигранты, даже такие, как Солженицын и Ростропович, — все увещевают: мы должны помнить, что мы великий народ, иначе мы, мол, ничего не сделаем. Сладкие речи. Главное, по-моему, осознать, насколько по всем параметрам мы отстаем от цивилизованного мира, не только материально, нравственно! Если мы привыкли к воровству, надо сознаться, что мы воры и приветствуем наиболее удачливых из нас. Я, например, прихожу в Париже в магазин и думаю, как здесь легко можно все украсть. И не ворую только потому, что у меня есть какой-то определенный уровень развития, но сама мысль ненормальна, она не может прийти в голову порядочному человеку. Мы должны признать, что если весь мир накапливает, создает, то мы привыкли разваливать, сносить, уничтожать. При этом у нас существует проблема мозгов и рук — мозги огромные, а руки из задницы растут. Строить не умеем, все тут же разваливается. С нашей техникой нельзя иметь дело. А неумение соотносить интеллект и свой ручной труд заставляет нас уповать на Бога и успокаивать себя величием нации. Не надо обладать бурной фантазией, чтобы представить, а что получится, если наших людей переселить на полгода в Париж, а парижан сюда. Париж превратится в Кислодзкий, а здесь потихоньку начнет что-то строиться, начнут возникать дороги, исчезнет грязь, потому что они не смогут жить, как мы. Кто мы? Мой дед очень симпатичный и одаренный человек, рабочий, приехал в Питер из Брянска, был комиссар. Квартира, в которой я живу, когда-то у кого-то отнята, а мебель привезена из дворца какой-то фрейлины. Мы все потомки временщиков. Империя коммунизма развалилась. После распада Римской империи должны были пройти века, прежде чем на развалинах возникла эпоха Возрождения. Процессы, которые сейчас происходят, гораздо крупнее, чем сама наша жизнь. А мы хотим увидеть новую жизнь сейчас, потому что она у нас одна. И в этом драма. Чтобы закончить наш разговор на оптимистической ноте, скажу: самое интересное в жизни то, что происходит в самом тебе, поэтому у нас есть много причин, чтобы надеяться на радость — вот хотя бы просто сходить в лес, собрать грибов и закусить ими водочку.

Беседу вел
Петр КУЗЬМЕНКО.

Фото Валерия Киселева.